

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

Романов Александр Сергеевич

**Пропаганда в блокадном Ленинграде: основные направления, формы и
методы**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена в Санкт-Петербургском институте истории РАН

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор
Сергей Викторович Яров

Официальные оппоненты:

Пянкевич Владимир Леонидович

доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», заведующий кафедрой истории предпринимательства и менеджмента

Журавлёв Дмитрий Алексеевич

кандидат исторических наук, Военно-медицинский музей ФГБВОУ ВПО «Военно-медицинская академия им. С.М.Кирова», старший научный сотрудник

Ведущая организация:

ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова»

Защита состоится 1 октября 2013 г. в _____ ч. на заседании диссертационного совета Д.002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат исторических наук

П.В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение пропагандистской работы в блокадном Ленинграде позволит лучше оценить масштабы идеологического воздействия на умы, настроение и повседневную деятельность жителей города в условиях распада культурных и этических норм. Актуальность темы диссертации обусловлена также тем, что она затрагивает ряд малоизученных вопросов, связанных с партийным руководством средствами массовой информации Ленинграда. Исследование данных вопросов позволяет выяснить, насколько формальные указания городского комитета ВКП(б) соответствовали реальной работе радиовещания, периодической печати и агитаторов.

Объект исследования – система советской печатной, устной и радио-пропаганды блокадного Ленинграда.

Предмет исследования – воздействие пропаганды на жителей осаждённого города.

Методология исследования. Выбор методов исследования обусловлен необходимостью анализа форм и методов пропагандистской работы на разных этапах блокады, определения масштабов охвата населения средствами пропаганды, выявления роли пропагандистских структур в повседневной жизни горожан и процесса формирования различных блоков идеологической аргументации. Работа основана на структурно-системном методе, позволившем всесторонне изучить деятельность системы пропаганды, направленной на решение задач, актуальных для Ленинграда на том или ином этапе блокады. Анализ источников основывается на принципе научной объективности, который дал возможность рассмотреть взаимосвязи различных явлений с учетом той обстановки, в которой находился город во время осады.

Само слово «пропаганда» в переводе с латинского означает «подлежащее распространению». Существует множество определений данного понятия; в диссертации мы будем придерживаться следующего: «система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и другой информации с целью формирования определённых взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей и распространение в массах идеологии и политики определённых классов, партий, государств»¹. В настоящее время существует мнение², что PR (публик рилейшнз)³ и пропаганда имеют много общего, поэтому следует отказаться от употребления устаревших терминов. В диссертации мы используем термин «пропаганда», поскольку, на наш

¹ Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 271.

² Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. М., 2001; Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб., 2003.

³ «Связи с общественностью» (англ.). Существует много трактовок этого понятия. Согласно мнению, выдвинутому на Всемирной ассамблеи ассоциаций по публик рилейшнз, состоявшейся в Мехико в 1978 г., это «искусство и социальная наука по анализу направленности, предсказанию последствий, консультированию лидеров организаций и проведению планируемых программ действий, которые служат как интересам организаций, так и общественным интересам» (Блэк С. Публик рилейшнз. Что это такое? М., 1990. С. 15-16).

взгляд, его содержание в выбранной нами формулировке гораздо более полно отражает те задачи, которые нам необходимо решить.

Для определения используемого в работе термина «агитация» мы сочли наиболее удачной формулировку Д.В. Ольшанского, к которой присоединяемся: «агитация – наиболее оперативная, конкретная и ситуативная часть пропаганды»⁴. Под идеологическим воздействием мы подразумеваем совокупность форм и методов пропаганды, направленных на изменение представлений людей, либо призванных упрочить их уже сформировавшиеся взгляды, а также указать идеологически приемлемые модели поведения и восприятия действительности.

Говоря о направлениях пропаганды, мы, в первую очередь, обращаем внимание на то, на достижение каких целей она была направлена и какие функции воздействия при этом реализовывались. Под формой пропаганды мы понимаем способ её «проявления, выражения или осуществления»⁵, т.е. радиовещание, периодическая печать и устная агитация являются формами пропаганды. Методы пропаганды мы определяем как систему различных приёмов⁶, использовавшихся при проявлении той или иной её формы.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является рассмотрение системы советской пропаганды, действовавшей в блокадном Ленинграде в период 1941-1944 гг. В соответствии с этой целью были поставлены следующие задачи:

- Показать специфику работы органов пропаганды в условиях распада норм морали и нарушения цивилизованного порядка в городе;
- Выявить особенности пропагандистского воздействия, транслируемого структурами власти;
- Рассмотреть формы пропаганды и методы работы пропагандистских структур среди населения Ленинграда;
- Определить степень восприятия пропагандистских постулатов и системы аргументации населением города;
- Отметить значение работы агитаторов по предотвращению возникновения и распространения нежелательных для властных структур слухов среди горожан.

Территориальные рамки исследования. Данные задачи рассмотрены на материалах блокированного Ленинграда, включавшего в себя 15 городских районов в административных границах 1941-1944 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины августа 1941 г. по январь 1944 г. Они обусловлены тем, что именно во второй половине августа началось

⁴ Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., Екатеринбург, 2002. С. 19.

⁵ Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 1429.

⁶ Там же. С. 538.

стремительное продвижение немецких войск к Ленинграду, что привело к полному окружению города в начале сентября. Это потребовало трансформации работы органов пропаганды: их деятельность должна была, согласно указаниям горкома партии, стать более системной и целенаправленной, и учитывать особенности различных групп населения, их язык и культуру. Выбор конечной даты исследования определён снятием блокады в январе 1944 г., что повлекло за собой постепенное изменение методов политико-массовой работы.

Степень изученности темы. Одной из основных причин, обусловивших выбор данной темы, стала крайняя односторонность и тенденциозность многих исследований, посвящённых истории пропагандистской работы в блокадном Ленинграде. Первые труды, в которых понимались данные вопросы, появились ещё во время войны (черты исторических очерков в пропагандистских текстах отмечал А.Н. Цамутали⁷). В журнале «Пропаганда и агитация» такие статьи, начиная с 1941 г., помещались в разделах «Агитацию – на службу Отечественной войне» и «Обмен опытом». В них рассматривались методика ведения пропаганды, использование различных приёмов в массово-политической работе, приводились примеры как успешной, так и неудачной агитации. С 1942 г. подобные публикации появились и в журнале «Блокнот агитатора», и также имели методический и прикладной характер. Их задачей было распространение и обобщение опыта массово-политической работы, но, несмотря на это, используемые авторами риторика и система аргументации во многом определили логику исторических работ, касающихся деятельности советской пропаганды и агитации в Ленинграде. Особую роль в становлении историографической традиции, на наш взгляд, сыграла статья С.И. Аввакумова, опубликованная в сборнике статей «Героический Ленинград. 1917-1942»⁸. В ней были кратко освещены цели и задачи пропаганды и агитации до конца 1942 г. включительно, указана численность политорганизаторов домохозяйств и их функции, а также отмечено изменение методов политико-массовой работы в указанный период. Во многом, однако, изложение материала сводилось к общим словам о работе агитаторов, призванных воспитывать у населения «любовь к родине, жгучую ненависть к врагу»⁹. Подобная схематичность рассмотрения оказала заметное влияние на дальнейшие исследования по данной теме.

После войны формы и методы пропаганды в осаждённом Ленинграде длительное время не подвергались изучению. Этот пробел отечественной историографии объясняется тем, что после «Ленинградского дела», в ходе которого были репрессированы руководители города во время блокады – А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, проведение исследований, освещавших роль Ленинграда в Великой Отечественной войне, оказалось под негласным

⁷ Цамутали А.Н. Заметки по историографии блокады Ленинграда // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб, 2005. №2. С. 149.

⁸ Аввакумов С.И. Большевики – организаторы обороны Ленинграда // Героический Ленинград. 1917-1942. Л., 1943. С. 214-229.

⁹ Там же. С. 225.

запретом. Труды по истории блокады начинают публиковаться только с середины 1950-х гг. Был защищён ряд диссертаций, в которых упоминались различные аспекты пропагандистской работы. Авторы части из них рассмотрели деятельность отдельных районных партийных организаций¹⁰, но вопросы агитации затронули поверхностно, ограничившись кратким упоминанием форм и приёмов работы и бессистемным изложением цифр проведённых мероприятий. В диссертациях, относящихся к указанному периоду и посвящённых деятельности ленинградского комсомола¹¹ и Ленинградской партийной организации¹², уделялось большее внимание их организационной, нежели массово-политической деятельности, и вопросы пропаганды в них также практически не затрагивались. Это же относится и к монографии А.В. Карасёва «Ленинградцы в годы блокады»¹³, в которой автор, подробно проанализировав многие бытовые стороны жизни в осаждённом городе, уделил рассмотрению пропагандистской работы только несколько абзацев текста. Исключением можно считать диссертацию А.П. Шапошниковой¹⁴, в которой впервые была освещена работа прессы Ленинграда, хотя, в целом, стиль изложения тяготел к описательности.

Интенсивное изучение работы системы пропаганды и агитации приходится на 1960-е гг. К этому периоду относится ряд ключевых диссертаций, затрагивавших данную тему. В них окончательно закрепился канонический для советского времени исследовательский подход к рассмотрению политико-массовой работы. С.И. Мокшин в своей диссертации, посвящённой наиболее массовой газете осаждённого города – «Ленинградской правде»¹⁵, продолжил исследование деятельности периодической печати блокадного Ленинграда. В работе впервые было проанализировано содержание газеты, рассмотрены особенности её оформления, жанры публикаций, но деятельность печати априори рассматривалась автором как эффективная, а любые возможные недостатки зачастую объяснялись бытовыми трудностями. В диссертациях Б.Г. Малкина¹⁶ и Ю.И. Хромовой¹⁷ также ярко проявились основные черты канона: несмотря на некоторое смягчение требований цензуры, комплексный анализ форм и методов пропаганды

¹⁰ Ситникова Т.А. Выборгская районная организация г. Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1954; Кац Я. Г. Октябрьская районная партийная организация г. Ленинграда в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (период героической обороны города – июнь 1941 – январь 1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

¹¹ Дементьев В.М. Ленинградский комсомол – верный помощник партийной организации города в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

¹² Стремилев В.В. Организационная и массово-политическая работа Ленинградской партийной организации в период героической обороны Ленинграда (июнь 1941 – январь 1943 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1956.

¹³ Карасёв А.В. Ленинградцы в годы блокады: 1941-1943 гг. М., 1959.

¹⁴ Шапошникова А.П. Печать – могучее оружие КПСС в мобилизации трудящихся на разгром врага под Ленинградом: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1955.

¹⁵ Мокшин С.И. «Ленинградская правда» в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. М., 1962.

¹⁶ Малкин Б.Г. Агитационно-пропагандистская работа Ленинградской организации КПСС в период героической обороны города (июнь 1941 – январь 1944 гг.): дисс. ... канд. ист. Л., 1964.

¹⁷ Хромова Ю.И. Массово-политическая работа Ленинградской парторганизации среди населения города в годы блокады (1941 – 1943 гг.): дисс. ... канд. ист. Л., 1967.

произведён не был. Свидетельства о сложностях в агитработе приводились как редкое исключение из правил. Кроме того, сохранялась тенденция к использованию огромного числа зачастую не имевших отношения к теме исследования частных примеров из жизни ленинградцев; тем не менее, на основании этих примеров производилось обобщение и делались выводы. Некритический подход к статистическим данным также является фактором, несколько понижающим научную ценность указанных работ. Следует, однако, отметить, что данные труды впервые были основаны на широком круге источников, в том числе неопубликованных.

К 1960-м гг. относится значительное и число статей, опубликованных в научных журналах¹⁸. Во многих из них отчётливо заметна общая черта работ, в которых исследовалась система пропаганды и агитации блокадного Ленинграда: практически полное отсутствие источников личного происхождения. Источники подобного рода использовались крайне редко и выборочно, с целью подтверждения исходного тезиса о положительной роли Ленинградской партийной организации, как в вопросах пропаганды и агитации, так и в любых иных. Подобная тенденция сохранялась на протяжении всего советского периода и, безусловно, была фактором, значительно снижающим объективность исследований по истории блокады.

Из опубликованных в 1960-е гг. книг¹⁹ следует назвать две коллективные монографии: «На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны»²⁰ и 5-й том «Очерков истории Ленинграда»²¹. Авторы «На защите Невской твердыни...» указали наиболее распространённые темы для докладов и выступлений агитаторов; в хронологическом порядке были рассмотрены изменения методов работы. Впервые была составлена таблица увеличения численности партийной организации Ленинграда в годы войны, и выдвинут тезис о том, что подобный рост был обусловлен проводимой

¹⁸ Лихоманов М.И. Массово-политическая работа Ленинградской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны // Учёные записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. Л., 1960. Вып. 33. С. 3-41; Малкин Б.Г. Агитационно-пропагандистская работа Ленинградской организации КПСС в период обороны города (декабрь 1941 – март 1942 гг.) // Вестн. Ленинградского университета. Л., 1964. Вып. 1. С. 18-28; Мокшин С.И. Ленинградская партийная организация и её печать в годы Великой Отечественной войны // Вопр. журналистики. Л., 1960. Вып. 2, кн. 1. С. 63-88; Мокшин С.И. Слово газеты в боях с врагом. «Ленинградская правда» в июне-сентябре 1941 г. // Сборник статей кафедры журналистики Ленинградской высшей партийной школы. Вып. 2. Л., 1961. С. 167-184; Победимов М.М. Однодневные газеты районов Ленинграда в период блокады // Сборник статей кафедры журналистики Ленинградской высшей партийной школы. Вып. 2. Л., 1961. С. 185-194; Погодина Е.Н. Коммунисты – организаторы трудовых подвигов ленинградских женщин на производстве (июнь 1941-1942 гг.) // Вестн. Ленинградского университета. Вып. 3. 1967. С. 44-51; Ситникова Т.А. Коммунисты Выборгского района Ленинграда во главе трудового героизма в период блокады города // Учёные записки Ленинградского университета. 1960. Вып. 33. С. 88-117; Хромова Ю.И. Деятельность политорганизаторов среди населения Ленинграда во время Великой Отечественной войны (1941-1942) // Вестн. Ленинградского университета. Вып. 3. 1967. С. 52-62.

¹⁹ В других крупных работах, относящихся к 1960-м годам (см.: Василенко В.Е., Свиридов В.П., Якутович В.П. Битва за Ленинград 1941-1944. Л., 1962, и др.) вопросы пропаганды либо не рассматривались, либо им уделялось несколько абзацев краткого описания, не содержащего какой-либо научной новизны.

²⁰ Князев С.П., Стрешинский М.П., Франтишев И.М., Шевердалкин П.Р., Яблочкин Ю.Н. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965.

²¹ Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967.

лекционной пропагандой. Тем не менее (возможно, вследствие ориентации на массового читателя) изложение зачастую приобретало излишнюю публицистичность.

Авторы одного из разделов 5-го тома «Очерков истории Ленинграда» также рассматривали вопросы политико-массовой работы. В данной книге, помимо указания функций и задач различных средств пропаганды, была предпринята попытка анализа содержания газетных статей и радиопередач, созданных профессиональными литераторами (этому была посвящена глава «Литературная жизнь»). Впервые было показано разнообразие жанров газетной публицистики и радиоматериалов, рассмотрено изменение содержания литературной продукции, в частности, то, каким мобилизующим значением обладали очерки в газетах и радиопередачах, и каким недостаткам были подвержены. Несмотря на то, что подобное рассмотрение включало в себя ограниченный подбор произведений (без рассмотрения некачественных очерков), а критический подход был весьма осторожен, литературный анализ содержания средств пропаганды и агитации был новой и важной страницей в историографии.

В 1970-х гг. исследователи уделяли особое внимание изучению отдельных форм пропаганды. В частности, В.Г. Ковтун в своей диссертации²² и А.И. Рубашкин в своей монографии²³ подробно проанализировали работу Ленинградского радио в годы блокады. В.Г. Ковтун впервые рассмотрел перестройку работы радио, составление программ политической информации, а также указал такие критерии эффективности пропаганды, как наличие квалифицированных кадров, массовость и разнообразие методов пропаганды, связь радиокомитета с внештатным активом. А.И. Рубашкин, помимо общих вопросов, связанных с Ленинградским радио, более подробно рассмотрел сами материалы радиовещания, а также особенности стилей выступлений дикторов. Кроме того, в его исследовании было впервые указано, что в работе радио зимой 1941-1942 гг. существовали определённые технические сложности, приводившие к перебоям трансляций; следует отметить, что В.Г. Ковтун не был согласен с данной точкой зрения. Тем не менее, общие выводы о мобилизующей роли советской пропаганды оставались неизменными. Подобное заключение можно сделать и в отношении небольшой обзорной работы о ленинградской печати²⁴.

Более подробно материалы печати и радио рассматривались в коллективной монографии «Литературный Ленинград в дни блокады»²⁵. В исследовании были подробно освещены литературные жанры, присущие прессе и радио. Несмотря на цензурные сложности, авторы монографии предприняли попытки критически подойти к оценке газетных материалов и радиопередач. Указывалось, в частности, что произведения, созданные во время блокады, были,

²² Ковтун В.Г. Радио – важнейшее идеологическое оружие Ленинградской партийной организации в период героической обороны города (июнь 1941 – январь 1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

²³ Рубашкин А.И. Голос Ленинграда: ленинградское радио в дни блокады. Л., 1975.

²⁴ Шапошникова А.П. Летопись мужества (печать Ленинграда в дни войны). М., 1978.

²⁵ Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973.

в силу различных причин, весьма неравноценными по качеству и что наряду с эффективно воздействовавшими на сознание аудитории текстами существовали и неудачные. Применяв лингвистический анализ отдельных стихотворений и очерков, авторы «Литературного Ленинграда в дни блокады» попытались проследить, как изменялось содержание подобных материалов на различных этапах осады города. Тем не менее, такие источники, как протоколы заседаний партийных организаций радиокомитета и редакций газет, содержащие критические обзоры пропагандистских материалов, не были использованы, что, на наш взгляд, несколько уменьшило обоснованность выводов авторов.

В исследованиях, относящихся к 1970-м гг., также следует отметить две диссертации, в которых уделялось видное место вопросам пропаганды и агитации: Л.А. Суетова о ленинградском комсомоле²⁶ и Н.Д. Козлова – о воспитании населения города в духе коммунистической морали²⁷. Л.А. Суетов показал эволюцию методов работы комсомольских агитаторов на протяжении блокады и основные направления работы. Н.Д. Козлов, изучая разнообразие форм пропаганды и агитации, рассматривал процесс формирования нравственного и политического сознания ленинградцев. Тем не менее, содержание и стиль изложения данных работ соответствовал сложившейся традиции исследований.

В 1980-е гг. появился ряд трудов, в которых также затрагивались вопросы пропагандистской деятельности в блокадном городе. В некоторых из них²⁸ история пропагандистского воздействия на массы рассматривалась более системно и подробно, будучи основным предметом исследования. В других случаях авторы, преследуя иные цели, ограничивались кратким описанием отдельных видов агитации²⁹. Обобщающей работой по вопросам пропаганды и агитации можно считать книгу А.П. Крюковских «Во имя победы»³⁰. Этот труд в значительной степени был суммированием опыта предшественников и личных изысканий автора³¹, который рассмотрел всё, что могло служить средством пропаганды и оказывать идеологическое воздействие на население. Необходимо, однако, отметить, что книга

²⁶ Суетов Л. А. Комсомол Ленинграда – верный помощник партии в идейно-политической работе с молодёжью в период героической обороны города: дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1977.

²⁷ Козлов Н.Д. Деятельность Ленинградской партийной организации по воспитанию населения в духе коммунистической морали в условиях блокады (сентябрь 1941 – январь 1943): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1979.

²⁸ Аминина М.М., Воронцов Г.В., Данилова В.В., Крюковских А.П. Идеи партии – в массы. Из опыта организации партийно-политической пропаганды в Ленинграде и Ленинградской области, 1917-1982. Л., 1984.

²⁹ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. 1918-1945. Т.2. Л, 1980; Ермакова Г.З. Деятельность Ленинградской партийной организации по идейно-политическому воспитанию рабочей молодежи на промышленных предприятиях в период героической обороны города (июнь 1941 – январь 1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985; Тишунин В.Н. Публицистика блокадного города // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны. Л., 1989. С. 110-120.

³⁰ Крюковских А.П. Во имя Победы. Идеологическая работа Ленинградской партийной организации в годы Великой Отечественной войны. Л., 1988.

³¹ Фрагменты работы были опубликованы в коллективной монографии «В годы суровых испытаний» (Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Крюковских А.П., Цамутали А.Н., Шишкин В.А. В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л., 1985).

также не свободна от устоявшихся формул, касающихся руководящей роли партии. В исследовании не были использованы источники личного происхождения. Кроме того, противоречия в работе пропагандистских структур практически не подверглись здесь подробному рассмотрению. Новым в работе следует указать попытки системной оценки проводимой в Ленинграде пропаганды, а также составления единой статистики изменения численности агитаторов в городе и количества проведённых пропагандистских мероприятий.

Современная историография вопроса, несмотря на свободу от политической конъюнктуры и прямого государственного воздействия, крайне малочисленна. Новый этап исследований открывает вышедшая в 2000 г. монография О.Ю. Куликовой «Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения»³². В работе рассматривалась деятельность органов пропаганды в качестве важного фактора формирования патриотического сознания горожан. Было высказано мнение о том, что при реализации данной цели в стране и в Ленинграде имелось много общего, но в Ленинграде были свои особенности, обусловленные блокадой. Характерной чертой историографии нового времени, проявившейся в книге, можно считать прямое указание на ранее не отмечавшиеся в исследованиях жёсткость и требовательность партийного руководства, не считавшего возможным, в частности, полагаться на одну лишь добровольность при проведении различных кампаний. Автору, однако, не удалось, на наш взгляд, полностью отойти от советской историографической традиции: в данном труде сохранилась следование описательному, а не аналитическому подходу. Кроме того, крайне мало использованы источники личного происхождения.

В числе современных работ следует назвать основанную на богатом архивном материале монографию Н.А. Ломагина «Неизвестная блокада»³³, несмотря на то, что в ней вопросы политико-массовой работы не были основным предметом рассмотрения. Показывая, в чём именно заключалась перестройка агитации на военный лад, автор сумел отойти от традиционной канвы изложения. Дополнительную научную ценность работе придаёт использование ранее неизвестных свидетельств руководителей города о необходимости политических фельетонов в газетах, данных о компетентности агитаторов и откликов горожан на получаемую из газет и радиопередач информацию. Кроме того, были проанализированы роль органов пропаганды и агитации в трансформации настроений горожан и борьба советской и немецкой пропагандистских структур.

Исследования отдельных вопросов политико-массовой работы в блокадном Ленинграде в современной историографии немногочисленны и относятся, в основном, к изучению

³² Куликова О.Ю. Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения. СПб., 2000.

³³ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Т. 1-2. СПб., 2002.

радиовещания осаждённого города³⁴. Необходимо отметить, что и в диссертациях, защищённых в 2000-х гг.³⁵, зачастую сохраняется неизменной упомянутая нами тенденция к использованию большого числа частных примеров из жизни горожан при отсутствии анализа источников личного происхождения. Существуют работы³⁶, в которых механизмы пропаганды оцениваются комплексно, но предметом изучения этих диссертаций является пропагандистское воздействие в рамках всей страны, без выделения и рассмотрения Ленинграда.

До 2000-х гг. в трудах иностранных авторов вопросы деятельности пропаганды в Ленинграде в годы войны практически не рассматривались. Леон Гуре в своей книге «The siege of Leningrad»³⁷ лишь упоминал о значении приказов И.В. Сталина как импульсов социалистического соревнования. А. Верт, в годы войны посетивший Ленинград, в своём труде, посвящённом Великой Отечественной войне³⁸, обращал внимание на работу советской пропаганды, кратко рассматривая примеры изменения содержания радиопередач советского радио и газет, но не анализировал характерные для осаждённого города особенности агитации. Журналист Г. Солсбери в своей книге, вышедшей в 1969 г.³⁹ отмечал, что многочисленные штампы, использовавшиеся в сводках Совинформбюро, а также замалчивание информации, нередко становились причиной возникновения в городе различных слухов, но его работа не является, по нашему мнению, научным исследованием. Автор во многом опирался как на личные воспоминания, так и на популярные мифы и, кроме того, сама книга, написанная в расчёте на массового читателя, отличалась крайней публицистичностью.

Начиная с 2000-х гг., зарубежные исследователи в своих трудах, посвящённых блокаде, начинают более подробно останавливаться на вопросах пропагандистской работы, проводившейся в Ленинграде. Лиза Киршенбаум, уделяя основное внимание символам блокады⁴⁰, отмечала, тем не менее, смену пропагандистских парадигм от интернационализма к патриотизму, «реабилитацию» образов Александра Невского, Суворова и других героев

³⁴ Васильева Т.В., Ковтун В.Г., Осинский В.Г. Позывные мужества. Опыт Ленинградского блокадного радио. СПб., 2009; Радио. Блокада. Ленинград. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 2001.

³⁵ Коблякова В.И. Научная и культурная жизнь блокадного Ленинграда: 1941 – 1944 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Мотылев Д.В. Деятельность государственно-партийного руководства Ленинграда по поддержанию духовной стойкости населения в период блокады: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. Стругов Г.А.

Государственно-правовое и идеологическое воздействие государственной системы на сознание народа в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

³⁶ Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2005; Горлов А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

³⁷ Goure Leon. The siege of Leningrad. London, 1962.

³⁸ Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967.

³⁹ Salisbury Garrison E. The 900 Days. The Siege of Leningrad. New York, 1969. Солсбери Гаррисон Е. 900 дней. М., 1994.

⁴⁰ Kirschenbaum Lisa A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, Memories, and Monuments. Cambridge, 2006.

русской истории. Кроме того, автор кратко рассмотрела характерные особенности пропагандистских плакатов.

Внимание анализу пропагандистских форм и методов уделил Альберт Плейсир⁴¹. Он также отметил резкую смену курса пропаганды, до войны направленную на формирование образа Гитлера как партнёра СССР, а после начала войны – на воспитание ненависти к захватчикам посредством описания немецких зверств на оккупированных территориях. Тем не менее, многие из приводимых автором сведений, в частности, о перебоях в выпуске газет и трансляции радиопередач, уже рассматривались ранее в отечественной историографии.

Анна Рейд, не ставя своей задачей подробный анализ форм и методов пропаганды, отмечала, однако, в своей работе⁴² «эмоциональное значение» радиовещания для жителей города. Использование в работе материалов петербургских архивов помогло автору сделать вывод о том, что передачи о мужестве ленинградцев далеко не всегда адекватно воспринимались самими горожанами.

Критически к официальной информации, доступной для ленинградцев, подходил и Майкл Джонс⁴³. Используя в работе источники личного происхождения и документы архивов Санкт-Петербурга, он, в частности, отрицательно оценивал приказ населению города сдать все радиоприёмники. Эту меру он рассматривал как попытку властей ограничить доступ людей к правдивой информации о положении на фронте: истинная ситуация, по мнению автора, в официальных сообщениях не отражалась, что вело к «пессимистической» трактовке людьми получаемых сведений и к возникновению слухов. Несмотря на некоторый гиперкритицизм, данное исследование представляется одним из ключевых в иностранной историографии.

Подытоживая историографический обзор, отметим, что в настоящее время, как в отечественной, так и в иностранной историографии, несмотря на многочисленный собранный и обработанный исследователями материал, отсутствует системное исследование форм и методов работы пропагандистского аппарата в осаждённом городе.

Источниковая база исследования. Изучение данной темы основано на обширном комплексе опубликованных и неопубликованных источников. Значительная их часть хранится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (НИА СПб ИИ РАН). Следует отметить, что в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) также содержатся

⁴¹ Pleysier Albert. Frozen Tears. The Blockade and Battle of Leningrad. Lanham, Maryland, 2008.

⁴² Reid Anna. Leningrad. The Epic Siege of World War II, 1941 – 1944. New York, 2011.

⁴³ Jones Michael. Leningrad. State of Siege. London, 2008.

сведения о том, как проявлялись те или иные формы пропаганды, однако информация эта крайне незначительна, и практически полностью дублируется в фондах ЦГАИПД СПб.

Ценными источниками для исследования стали документы Ленинградской партийной организации – посылаемые в ГК ВКП(б) отчёты, докладные записки и справки заведующих районными отделами пропаганды и агитации. По ним мы можем судить об изменении методов и содержания агитационно-пропагандистской работы на различных этапах блокады, а также о том, что включали в себя основные примеры аргументации, применяемой агитаторами, как происходил процесс подготовки политических работников, и как изменялась их численность. Следует отметить шаблонность этих документов: зачастую многие ключевые фразы переходили из старого отчёта в новый, в котором изменялась только дата. В большинстве отчётов отмечался лишь перечень мероприятий, несмотря на то, что подобная практика осуждалась горкомом. Важно также указать крайнюю фрагментарность приводимых статистических данных о количестве проведённых агитаторами мероприятий. Зачастую сведения о количестве лекций, бесед, докладов и митингов объединялись в одну цифру, без чёткого разделения по видам агитации. Данная особенность документов, в сочетании с отсутствием налаженной системы учёта, также затрудняет обобщения статистических данных. Кроме того, в ряде случаев, в отчётах райкомов не указывалось количество мероприятий, проведённых в отдельные периоды блокады, что делает невозможной точную оценку массовости агитационной работы.

Особый интерес при изучении системы аргументации агитаторов и способов противостояния негативным слухам представляют не относящиеся к официальным отчётам сообщения секретарей партийных бюро первичных партийных организаций, парторганизаторов предприятий и заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов, а также информационные сводки о настроениях населения, которые поступали в горком партии. В данных источниках отмечались как сами слухи, так и то, как агитаторы вели с ними борьбу, указывалось на существование как положительной, так и отрицательной реакции жителей на любое важное событие, освещавшееся в СМИ. Кроме того, при анализе и сравнении с записями жителей города сообщений партийных работников, мы можем указать наиболее типичные официальные формулировки и их возможную недостоверность.

В диссертации были использованы протоколы заседаний первичных партийных организаций газеты «Ленинградская правда», Ленинградского радиокомитета и цензурного комитета «Леноблгорлит». В этих источниках удалось обнаружить общие сведения о работе органов пропаганды, а также о том, как формировался материал газетных статей и радиопередач, что при этом считалось важным и какие недочёты отмечались в работе.

Предназначенные только для служебного использования, данные документы помогают составить более объективную картину работы средств массовой информации в Ленинграде.

Для решения поставленных задач исследования представляются значимыми протоколы заседаний бюро и секретариата Ленинградских ГК ВКП(б) и ГК и ОК ВЛКСМ. Данные источники характерны ёмкими указаниями на те ключевые изменения, которые должны были произойти в работе органов пропаганды, как-то: изменение тиража газет, подготовка курсов для агитаторов, изменение формы подписки на газеты и т.п. Эти материалы помогают лучше понять, как именно происходило руководство системой пропаганды. Сравнивая их с другими источниками, мы можем определить, насколько эффективно реализовывались формальные указания партийного руководства города.

Одним из главных источников для изучения пропаганды в осаждённом Ленинграде является периодическая печать, а именно газеты «Ленинградская правда», «Смена», многотиражные газеты «Балтиец», «За трудовую доблесть», журналы «Блокнот агитатора», «Пропаганда и агитация». Опубликованные в них статьи и очерки содержат основной пласт идей, которые внушались горожанам, по публикациям также можно оценить особенности стиля авторов, выявить ключевые слова-символы. В журналах помещены статьи методического характера, на основании которых можно указать требования, предъявляемые к работе агитаторов.

В диссертации были использованы сохранившиеся тексты радиопередач, транслировавшихся в городе. Их объём составляет приблизительно 500000 листов; каждая из напечатанных передач содержит исправления и визу цензора. Используя часть данных материалов, мы можем оценить общие стилистические особенности пропагандистских материалов, а также попытаться определить основное содержание эфира Ленинградского радио.

Кроме того, в работе было использовано значительное число источников личного происхождения – дневников и воспоминаний. Многие дневниковые записи были посвящены восприятию информации, получаемой авторами дневников по радио, из газет, от агитаторов. Эти записи – один из наиболее важных источников при оценке эффективности пропагандистского воздействия, поскольку в подавляющем большинстве случаев авторов не сковывала самоцензура, и они могли выражать свои мысли достаточно свободно. Это позволяет нам с высокой степенью достоверности указать на те тенденции восприятия, что были присущи горожанам, и выяснить, какую именно информацию ленинградцы считали существенной для себя. Тем не менее, следует учитывать, что дневники, в основном, вели служащие, интеллигенция, в редких случаях – учащиеся; следовательно, мы не можем, на основании данных источников, утверждать, что те или иные тенденции восприятия были присущи всем, без исключения, ленинградцам.

Имеется значительное число воспоминаний очевидцев тех лет, но крайне мало кто из них уделял внимание деталям политико-массовой работы. Были, тем не менее, опубликованы воспоминания главного редактора газеты «Смена» А.Я. Блатина⁴⁴, секретаря ГК ВКП(б) Н.Д. Шумилова⁴⁵, сотрудников радиокомитета, а также простых блокадников, которые так или иначе затрагивают в своих мемуарах тему пропаганды. Воспоминания, содержащие, помимо прочего, и личную оценку автором той или иной формы пропаганды, представляются необходимыми для работы, несмотря на возможное переосмысление автором событий прошлого. В целом, представленные виды источников позволяют подробно и в совокупности изучить различные аспекты темы исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые подробно проанализированы основные формы и системы приёмов политико-массовой работы, отмечен их противоречивый характер. Рассмотрено пропагандистское воздействие на жителей блокадного Ленинграда с целью формирования идеологически верных установок на те или иные действия, указаны различные тенденции восприятия рядом горожан этого воздействия.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы обусловлена её новизной и возможностью изучения темы вне идеологических рамок, с использованием всего доступного комплекса источников и литературы. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при создании курсов по истории средств массовой информации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., исторической психологии, истории блокадной повседневности.

Положения, выносимые на защиту:

- Органы пропаганды при проведении работы в осаждённом Ленинграде крайне редко учитывали то экстремальное положение, в котором находился город и его жители;
- Указания властных структур о недопустимости формализма в политико-массовой работе и необходимости учёта физического и морального состояния горожан при проведении агитации в подавляющем большинстве случаев не исполнялись органами пропаганды;
- Само наличие источника информации служило средством моральной поддержки для ослабевших людей, зачастую вне зависимости от того, какие идеи внушались посредством получаемых сведений;
- Оценка воздействия пропаганды на жителей проявлялась в дневниковых записях, свидетельствующих о том, как воспринималась та или иная информация;
- Наиболее эффективной из рассмотренных форм пропаганды представляется форма радиовещания, для которой особенно важны были выразительные приёмы устной речи;

⁴⁴ Блатин А.Я. Вечный огонь Ленинграда: записки журналиста. М., 1976.

⁴⁵ Шумилов Н.Д. В дни блокады. М., 1977.

- Интерес у жителей Ленинграда вызывал ограниченный набор тем о положении на фронте, либо о снабжении города, в то время как наполненные однообразным содержанием и аргументацией материалы (по истории партии, о необходимости повышения производительности труда, и др.) крайне редко отмечались ленинградцами;

- Указанные черты пропаганды вели к возникновению многочисленных негативных слухов. Борьба агитаторов с ними была направлена на их следствие, но не на причины возникновения и, в силу этого, далеко не всегда могла быть эффективной.

Апробация результатов исследования. Текст диссертации и её главы обсуждались на заседаниях Отдела современной истории Санкт-Петербургского института истории РАН в 2011-2013 гг. Основные положения и выводы работы были изложены в докладах на ежегодной Всероссийской научной конференции «Герценовские чтения. Актуальные проблемы русской истории» (Санкт-Петербург, 2011, 2012, 2013 гг.), международной научной конференции «1941 год в документах и свидетельствах» (Санкт-Петербург, 2011 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, указаны цель и задачи работы, рассмотрены методологические принципы, на которых строится диссертация, проанализирована изученность темы, охарактеризована источниковая база, показаны научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость исследования, выдвинуты положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Радиовещание как форма пропаганды» рассматриваются особенности данной формы пропаганды: как происходило радиовещание в условиях перебоев с электроэнергией, какова была частотность тех или иных радиопередач пропагандистской направленности, что составляло содержание этих передач и как оно формировалось. Кроме того, проанализированы характерные для радиопропаганды приёмы подачи материала радиопередач, и то, как эти передачи могли восприниматься частью населения города.

В первом параграфе «Радиотрансляционная сеть Ленинграда» подробно изучены технические особенности радиотрансляционной сети Ленинграда. В городе, в период блокады, действовали только радиоточки в квартирах и радиорупоры на улицах. Радиоприёмники были сданы горожанами по требованию властей города, под предлогом превентивной борьбы с немецкой пропагандой. Это обусловило монополию вещания Ленинградского радио. Численность действующих радиоточек уменьшалась, вероятно, вследствие сокращения

численности населения Ленинграда. Радио было важным элементом мирной повседневности и перебои в его деятельности неоднократно отмечались в дневниковых записях ленинградцев. В параграфе рассмотрены методы руководства Ленинградским радиокомитетом со стороны ГК ВКП(б), поскольку несколько автономное положение Ленинграда вплоть до осени 1942 г. затрудняло получение инструкций от Всесоюзного радиокомитета. Кроме того, проанализирована эфирная сетка вещания: так, с осени 1941 г. до весны 1942 г. основное содержание эфира составляли, помимо сводок Совинформбюро и передачи «Радиохроника», программы политического вещания, к которым мы относим «Последние известия», выступления у микрофона, местную хронику и т.п. В более поздний период блокады преобладали передачи литературного вещания.

Второй параграф «Содержание программ радиовещания» содержит анализ материалов радиопередач, их классификацию и рассмотрение особенностей языка выступлений у микрофона. Изучены сводки Совинформбюро, как наиболее часто передававшаяся в эфир информационная радиопередача, отмечено их пропагандистское значение и то, насколько однотипен был их стиль, независимо от периода блокады. Были выявлены наиболее часто встречающиеся в радиопередачах сюжеты и основной набор расхожих фраз и слов-символов, а также неизменность риторики выступлений ленинградцев у микрофона. Наличие стандартных выражений отчасти можно объяснить жанровыми особенностями передач и отсутствием чётких методических указаний, способных предотвратить чрезмерное использование клише.

Нами отмечено, что и политическое, и литературное радиовещание, согласно указаниям горкома партии, зачастую преследовали одни и те же цели, используя различные средства. Цели эти заключались в мобилизации населения на решение военно-хозяйственных и политических задач, информировании его о положении на фронтах, в стране и в мире, воспитании патриотизма и чувства ненависти к оккупантам, пропаганде приказов И.В. Сталина.

Оценивая значение радиовещания как формы пропаганды, мы отметили сочетание мобилизующей и нормативной функции пропагандистского воздействия, поскольку передачи были призваны формировать установки на те или иные действия и постулировать нормы поведения. Была также указана аксиологическая функция, направленная на выработку определённых ценностей, характерных для советских людей вообще и для ленинградцев в частности. Для реализации данных функций использовался весь набор имевшихся в распоряжении радио художественных средств, различных по жанру передач, готовых шаблонов, а также иных методов (обобщение, умолчание, преувеличение успехов, демонстрации примеров для подражания и др.).

В третьем параграфе «Работа дикторов и выступления литераторов» раскрывается значение такой важной особенности радиовещания как акустичность, т.е. проявление

информации в звуке. Дикторы и профессиональные литераторы в своей работе использовали интонационное богатство речи, помогавшее им выделить главное в своём выступлении и усилить эффект воздействия. Сочетание информационной и эмоциональной составляющей являлось при этом определяющим фактором. Приведены свидетельства как о том, что голос диктора придавал бодрости слушателю, так и о том, что некоторым дикторам зачастую не хватало профессионализма (примеры слабой подготовки сотрудников относились к зиме 1941-1942 гг.). Охарактеризованы выступления В.В. Вишневого и О.Ф. Берггольца как обладавших наиболее заметными индивидуальными особенностями речи и способных установить особенно тесный психологический контакт с аудиторией. Слушатели, благодаря ярким выступлениям дикторов или писателей, должны были, вероятно, лучше осознавать себя именно как советских людей, жителей непокорённого города, чётче усваивать представленные им образцы действий и, соответственно, эффективнее выполнять возложенные на них задачи, что может указывать на самоидентификационную функцию пропагандистского воздействия.

В четвёртом параграфе «Реакция ленинградцев на радиопередачи» рассматриваются сохранившиеся отклики ленинградцев на радиопередачи; радио упоминалось в дневниках горожан гораздо чаще, нежели периодическая печать или деятельность агитаторов. Критерием действенности пропаганды мы определили личную оценку слушателем получаемых сведений.

Нами было выделено две тенденции восприятия радиопередач. Первая тенденция условно обозначена как «оптимистическая»: в данных записях авторов дневников чётко видны доверие к цифрам, не критический подход к данным об успехах советских войск. Характерны случаи, когда в дневнике, вместо собственных мыслей и слов, использовался язык газетных передовиц. Это также может указывать на проявление эффекта пропагандистского воздействия, проникновение идей в сознание слушателей. «Пессимистическое» восприятие выражалось в нарастании равнодушия к сводкам и иным радиопередачам, и критической оценке их шаблонного языка. Тем не менее, выделение этих тенденций является в значительной степени условным, поскольку нет дневника, в котором получаемая информация оценивалась бы только положительно или только отрицательно. Восприятие являлось ситуативным и зависело от наличия или отсутствия у автора дневника еды, тепла, характера отношений в семье и т.п.

Цель радиопропаганды, на наш взгляд, сводилась не только к тому, чтобы наполнить мозг слушателя нужными штампами. Радиопередачи, помимо своих пропагандистских функций, должны были заинтересовать человека. Любая системно выраженная реакция на программы радиовещания, позитивная или негативная, показывала, что человек нуждался в живом слове радиопередач.

Во второй главе «Периодическая печать как форма пропаганды» рассматриваются издания периодической печати, способы их распространения, язык статей, а также деятельность

«стенной» печати Ленинграда, формально не являющейся периодической, но выпускавшейся на протяжении всей блокады.

Параграф первый «Издания ленинградской периодической печати» посвящён оценке эффективности распространения печати и реальности существовавших тиражей. «Ленинградская правда» и «Смена» рассылались подписчикам по почте, продавались в розницу и расклеивались на специальных уличных щитах. В лимитах распространения, определяемых горкомом партии, предпочтение отдавалось подписке, которая до лета 1943 г. была принудительной. Доставка прессы подписчикам характеризовалась в отчётных документах, поступающих в горком партии, как неудовлетворительная: зимой 1941-1942 гг. газеты доставлялись с 2-3-дневным опозданием, либо вовсе не поступали. Система доставки, однако, не была полностью налажена и в дальнейшем, вплоть до осени 1943 г. Предписанные тиражи основной газеты города – «Ленинградской правды», несмотря на постоянные сокращения, составляли сотни тысяч экземпляров даже в самое трудное время блокады, но, учитывая положение Ленинграда (в частности, нехватку бумаги) неизвестно, насколько эти данные соответствовали действительности. Сложности в распространении изданий периодической печати могли быть одной из причин снижения её эффективности, поскольку читатели в ряде случаев не могли вовремя получить газеты. Тем не менее, факты ознакомления ленинградцев с публикациями в прессе находили своё отражение в источниках личного происхождения, хотя и более скупо по сравнению с оценкой горожанами материалов радиовещания.

Во втором параграфе «Виды и содержание публикаций» речь идёт о том, какие газетные публикации были важны для системы пропаганды, приведена классификация статей, их содержание, цели и методика составления. Наиболее значимыми для пропаганды указаны передовые статьи, как в наибольшей мере насыщенные лозунгами, призванные оказывать эмоциональное воздействие на читателей, а также применяемые при проведении устной агитации. Приведены оценки публикаций горожанами, но немногочисленность оценок не позволяет выделить даже общие тенденции восприятия. Чаще всего людей интересовали сводки Совинформбюро, сообщения о нормах выдачи хлеба, либо, крайне редко, отдельные публикации профессиональных литераторов.

Указаны основные темы, освещавшиеся в газетах и повторявшие темы радиопередач: оборона Ленинграда, бдительность населения, режим экономии ресурсов, рост производительности труда, воспитание ненависти к захватчикам, военно-хозяйственные кампании. Признание трудностей крайне редко находило отражение в прессе; пределы цензуры, на наш взгляд, определялись ухудшением положения города, что делало невозможным дальнейшее замалчивание этого положения и требовало формирования новых установок.

В публикациях мало учитывались реалии осаждённого города. Структура статей, в частности, посвящённых вопросам производства, оставалась неизменной даже в те месяцы, когда большинство предприятий было закрыто. Отмечено использование однообразной аргументации: любой актуальный вопрос объявлялся долгом, государственным делом, боевой задачей. Применение различных выразительных средств, в частности, при создании фельетонов и очерков, было призвано решить проблему формализма, но, с точки зрения руководителей городских газет, эти произведения зачастую были написаны фальшиво, излишне литературно. Несмотря на формальное осуждение, проблема штампов в газетных публикациях сохранялась.

В третьем параграфе «Публикации профессиональных литераторов» рассмотрены характерные стилистические черты стихотворений и очерков, написанных ленинградскими поэтами и писателями и несущих определённую пропагандистскую нагрузку. Мы предполагаем, что основное различие между публикациями журналистов и писателей, при единстве целей и жанровой принадлежности, заключалось в умении писателей создать более яркое описание, более чёткий образ, в то время как у журналистов подобные попытки оборачивались «олитературиванием» действительности. Писательские художественно-публицистические очерки, содержавшие как прямую оценку того или иного факта, так и некий социально типизированный образ, были призваны дополнить однообразные статьи и заметки. Тем не менее, значительное преобладание материалов очеркового жанра, несмотря на востребованность в периодической печати, считалось самими писателями фактором, снижающим яркость их индивидуального стиля.

Стихотворные произведения также отмечены как необходимые для решения задач, актуальных для военного времени. Стихи могли, несмотря на свою немногочисленность, служить эмоциональным центром для привлечения внимания к той или иной теме, наиболее часто встречавшейся в газете. Подобные материалы являлись своего рода поэтической призмой, усиливавшей пропагандистский канон. Поэтическим произведениям, по тематике тождественным прозаическим очеркам, также были присущи черты шаблонности, несмотря на декларируемую искренность авторов. Комплексно оценивая публикации профессиональных литераторов, мы приходим к выводу о том, что, несмотря на формальные требования о соблюдении «индивидуального стиля», фактически всё же преобладал количественный подход.

В четвёртом параграфе «Многотиражные и «стенные» издания» подробно рассмотрена деятельность т.н. «низовой печати» – фабрично-заводских многотиражных газет, однодневных районных газет, стенгазет предприятий, учреждений и домохозяйств и «Боевых листов». В параграфе даны чёткие определения видов «низовой печати», рассмотрены их основные цели, указаны предполагаемые тиражи. Наиболее массовым видом «низовой печати» были многотиражки, по форме изложения и структуре статей являясь фактическим отражением

публикаций «Ленинградской правды» и «Смены». Общими проблемами всей «низовой печати» в отчётных документах, поступавших в горком партии, назывались низкое литературное качество публикаций, перепечатки статей из других газет, текучесть кадров, отсутствие помощи со стороны райкомов партии и т.п., но, несмотря на все рекомендации и указания, подобные проблемы фиксировались вплоть до осени 1943 г. Попытки исправить положения, организовывая совещания редакторов, не приводили к успеху. Формальные требования вступали в противоречие с реалиями Ленинграда, где у руководителей предприятий были иные важные задачи, помимо организации «низовой печати».

Оценить, насколько эффективна была многотиражная и «стенная» печать, крайне сложно, поскольку, помимо фрагментарности источников, в них не содержится сведений о том, как работа газет мобилизовывала горожан. «Низовая печать» представляется ещё одним проявлением пропагандистского ритуала, требующего использовать как можно больше методов работы с населением, не заботясь о том, насколько эти методы были осуществимы. Это подтверждает тот факт, что ни в одном из изученных нами дневников ленинградцев (включая также те, которые велись в 1942-1944 гг.) не удалось обнаружить каких-либо упоминаний о многотиражной и «стенной» печати. Формальный подход, таким образом, обусловил отсутствие интереса горожан к «низовой печати», в то время как работа других форм пропаганды, так или иначе, находила своё отражение в источниках личного происхождения.

В третьей главе «Устная пропаганда и агитация» анализу подвергается деятельность политических работников Ленинграда – пропагандистов, агитаторов, политорганизаторов и политруков. Указаны различия в их работе, выявлена взаимосвязь формы устной пропаганды с другими формами, а также изменения методов агитации в зависимости от периода блокады.

В первом параграфе «Кадры агитаторов» приводятся количественные и качественные изменения в составе агитаторов, говорится о том, в чём должен был заключаться их профессионализм, как происходило руководство ими. Большая часть агитаторов не имела опыта работы. Кадровый вопрос решался крайне формально: так, агитколлективы, призванные стабилизировать кадры агитаторов в первичных партийных и комсомольских организациях, работали не везде и не способствовали повышению квалификации сотрудников; политработники непропорционально распределялись по госпиталиям и домохозяйствам. Требования, предъявляемые агитатору (использование «чистого и правильного» языка и ярких образов, недопустимость применения т.н. слов-«паразитов» и готовых фраз, и т.п.), нередко оставались нереализованными. Кроме того, кадровая политика, направленная на «раздувание» аппарата агитаторов, также способствовала падению уровня работы. Важную роль при этом играло и отсутствие налаженной системы учёта проводимых мероприятий. Мы выяснили, что деятельность агитаторов зачастую расценивалась руководителями многих предприятий и

учреждений как нечто, не имеющее особой ценности в сравнении с насущными задачами. Это приводило к тому, что ими на должность агитатора могли назначаться люди, не имевшие представления об агитационной работе и не желавшие её осуществлять.

Во втором параграфе «Методы устной пропаганды и агитации» говорится о задачах агитаторов, актуальных на различных этапах блокады, и о том, какие методы использовались при решении этих задач. Основным источником идей являлись речи и приказы И.В. Сталина. Тезисы, содержащиеся в этих документах, с течением времени менялись незначительно, поэтому не менялась и сформированная на их основе аргументация. В качестве наиболее значимого метода устной пропаганды в документах агитпропорганов, начиная с осени 1941 г., отмечалась беседа, в ходе которой агитатор мог реагировать на настроения жителей. Моральная поддержка, осуществлявшаяся в процессе беседы, могла быть демонстрацией того, как идеологическое содержание исчезало из пропагандистской работы. Тем не менее, подобные приёмы, несмотря на формальное одобрение партийных структур, использовались нечасто.

Другими методами устной агитации указаны читки газет, проведение лекций, докладов, митингов и работа кружков. Теоретически данная пропагандистская система должна была учитывать все особенности блокированного города и способствовать успешному внушению населению норм поведения и идеологически верных постулатов. Практически же, несмотря на умножение видов работы и попытки учитывать блокадные реалии, система оказалась малоэффективной. Одной из причин этого могло быть отсутствие в инструктивных документах чёткого определения видов агитработы, вследствие чего было неясно, чем доклад формально отличался от лекции или беседы. Дневниковые записи указывают, что лекции и доклады, если и посещались ленинградцами, то лишь с целью узнать новую информацию, отличающуюся от получаемой из газет и радиопередач. Важно, однако, отметить, что горожане, при посещении подобных мероприятий, фиксировали не только свои впечатления от полученной информации, но и обращали внимание на то, насколько квалифицированным был лектор.

В третьем параграфе «Особенности работы агитаторов» выделяются общие и специфические особенности работы агитаторов в городских бомбоубежищах, домохозяйствах, учреждениях, госпиталях и на предприятиях Ленинграда. Каждый из рассмотренных объектов приложения политической работы обладал своими уникальными чертами: так, на городских предприятиях чаще всего использовались беседы и читки, поскольку агитацию нужно было проводить в короткие сроки; в больницах и госпиталях от политруков требовалось скорее умение оказать моральную поддержку пациентам, нежели читать длинные лекции. Отмечена неизменность сложностей в работе: низкий уровень квалификации политработников, использование готовых фраз как при индивидуальной беседе, так и при выступлении на митинге. Важное значение мог иметь ритуал, произнесение «правильных» слов; существенным

фактором являлось, однако, и настроение аудитории. Талантливый агитатор мог, безусловно, способствовать укреплению морального состояния горожан, но на практике, что признавалось и официально, работа, чаще всего, проводилась небрежно, торопливо. Кроме того, проанализировав отчётные документы и зная обстановку, в которой город находился зимой 1941-1942 гг., мы указываем на возможную недостоверность ряда данных, в частности, о тысячах бесед, проведённых в домохозяйствах. Появление агитатора в квартире должно было явиться неординарным событием, которое требовалось отметить в дневнике, но ни в одном из воспоминаний блокадников и обнаруженных дневников подобных сведений нет.

Четвёртый параграф «Устная агитация как средство противодействия слухам» посвящён рассмотрению проблемы формирования и содержания нежелательных для власти слухов и тому, как подобным слухам противодействовали агитаторы. Особенности контрпропаганды при этом не рассматриваются, т.к. деятельность немецкой пропаганды не входит в предмет исследования. Отмечено несколько зафиксированных в источниках «волн» слухов: в августе-ноябре 1941 г. (после начала блокады), зимой 1941-1942 гг., весной-летом 1942 г. (после начала эвакуации по Ладожскому озеру). В качестве одной из причин появления слухов указана неудовлетворённая потребность людей в информации, вызванная замалчиванием событий на фронте. Причиной появления и распространения панических слухов могла служить и психологическая неустойчивость людей. Источниками слухов служили, согласно отчётным документам отделов пропаганды и агитации РК ВКП(б), «немецкая агентура и шпионы», а также «несознательные» граждане.

Для противодействия слухам проводились доклады, «паникёров» публично разоблачали. В ходе личных бесед агитаторы старались установить источник слуха. Кроме того, политработники прибегали к помощи органов НКВД. В домохозяйствах распространению слухов среди жильцов препятствовали политорганизаторы. Борьбой со слухами занимались и специально созданные в каждом районе города в декабре 1941 г. бригады агитаторов. Одним из условий эффективного противостояния мог служить авторитет агитатора в коллективе.

Согласно нашим выводам, агитаторы, противодействуя слухам, боролись со следствием, но не с причиной. Причины распространения слуха (цензура, бытовые и иные трудности и т.п.) оставались неизменными, поскольку были вне компетенции агитаторов. Кроме того, слухи стихийно распространяло такое количество простых людей, что борьба, даже с использованием иной аргументации, чем в обычных докладах, была затруднительна. Противоречивость отчётных документов может свидетельствовать о том, что эффективность противодействия была неоднородной в разных районах. Слухи существовали в течение всей блокады, но массовость их постепенно уменьшалась, вероятно, после того, как улучшалась обстановка в городе и исчезали возможные причины к слухотворчеству.

В **заключении** подведены итоги исследования и сформулированы его основные выводы:

Система пропаганды осаждённого города, призванная органами власти перестроить свою работу и учитывать все реалии военного времени, фактически оказалась на это не способна. Имелись многочисленные проблемы, связанные с работой периодической печати, радиовещания и агитаторов (технические сложности, отсутствие учёта работы, низкий уровень квалификации политических работников и т.п.), выявилось также неумение властных структур решить эти проблемы и стремление ограничиться составлением инструкций. Эти инструкции, декларировавшие необходимость инициативы, учёта настроений аудитории и указывавшие вред шаблонов в пропагандистской работе, вступали в противоречие с привычкой ответственных работников к формальному исполнению постановлений. Это вело к потоку однотипных газетных публикаций и радиопередач, неинтересным выступлениям агитаторов.

Воздействие, имевшее своей целью мобилизацию населения на решение тех или иных задач, вне учёта условий города, не могло быть действенным: весь его эффект зачастую сводился к кратковременной эмоциональной вспышке, выраженной на страницах дневника или в разговоре, зафиксированном политинформатором. Тем не менее, существовали неоднократные попытки отдельных агитаторов и профессиональных литераторов в печати и по радио отрешиться от штампов. При этом шло т.н. «вымывание» из бесед и докладов идеологической «начинки», и важным становилось не донесение выпреженных идеологических постулатов, а моральная поддержка человека.

Приёмы работы определялись существовавшим набором клише. В периодической печати наиболее существенными были передовые статьи, наполненные лозунгами; форма радиопропаганды была важна своим осуществлением в звуке, даже при формальном повторе тем печатных публикаций; агитаторы, при проведении бесед, были призваны учитывать в своей работе происходившие изменения настроения аудитории. Фактически, однако, пропаганда не стала средством коммуникации людей. Кроме того, ярким проявлением формального подхода было умножение способов работы с населением, что предполагало повышение эффективности. Но не имевшие чёткого определения, повторявшие друг друга по содержанию и направленные зачастую лишь на соблюдение привычного ритуала, они редко вызывали интерес у ленинградцев.

Подобный подход можно отметить и при рассмотрении ранее практически не затрагивавшегося в исследованиях вопроса противодействия нежелательным для власти слухам посредством устной агитации. Борьба зачастую была бессистемна, обмен опытом работы не вёлся, несмотря на важность умения агитатора правильно оценить психологический настрой аудитории, благодаря которому одни и те же постулаты могли приниматься, либо отвергаться. Кроме того, доступные нам свидетельства указывают, что и в борьбе со слухами не появлялось

каких-либо уникальных приёмов противодействия, поскольку все методы были либо известны до войны, либо представляли собой обычные доклады и беседы на соответствующие темы. Борьба со слухами одной лишь устной агитацией (без привлечения репрессивного аппарата НКВД) была малоэффективна.

Всесторонняя комплексная оценка восприятия различных форм и методов пропаганды представляется достаточно сложной, поскольку информационные сводки редко учитывали реакцию горожан на пропаганду, а дневниковые заметки не отличались системностью изложения. Оценочные записи могли быть созданы под влиянием эмоций, сиюминутного порыва. Кроме того, условия, в которых осуществлялась пропагандистская работа, не были одинаковыми на протяжении всей блокады, что должно учитываться и при оценке форм пропаганды. Зимой 1941-1942 гг. наиболее значимой и эффективной формой было радиовещание: живой голос диктора был символом надежды, даже несмотря на то, что сама информация могла восприниматься критически. Печатная пропаганда отмечена нами как менее эффективная в силу технических сложностей. Кроме того, следует указать на отсутствие, в сравнении с радиовещанием, акустического воспроизведения статей, что требовало от читателя максимального использования собственного воображения, либо работы чтеца-агитатора, который зачастую не отличался высокой квалификацией. Голос агитатора мог быть не менее действенным, чем голос диктора; но из приведённых свидетельств можно видеть, что данные о тысячах успешно проведённых мероприятий зачастую являлись лишь строками отчётов.

Важно, однако, что рассмотренные сложности при осуществлении форм пропаганды сохранялись и в 1942-1944 гг., когда положение города начало улучшаться. Более того, многие горожане перестали фиксировать своё впечатление от радиопередач и газетных статей. У этого факта, на наш взгляд, есть несколько причин. Первая – люди, психологически сломленные выпавшими на их долю испытаниями и занятые повседневными делами, утрачивали интерес к информации, за исключением отдельных, наиболее важных событий. Возможно также, что, обретая в наиболее трудное время поддержку в привычном источнике информации, горожане в дальнейшем утрачивали потребность в подобной опоре. Вторая причина – несмотря на указания горкома партии, руководители многих партийных организаций продолжали формально подходить к решению задач пропаганды, уделяя большее внимание иным задачам. Третья – даже с учётом улучшения снабжения города, сохранилась привычка ответственных работников списывать все пробелы в работе на трудности блокады; особенно ярко это выразилось в работе периодической печати, доставку которой подписчикам долгое время не могли наладить.

Тем не менее, говорить, что вся система пропаганды была абсолютно безжизненна и бесполезна, нельзя, несмотря на все отмеченные нами проявления присущего ей формализма. Факты наличия у аудитории различных вопросов указывают на то, что пропагандистские

мероприятия посещались и население интересовалось происходящими в мире событиями. Сведения о приходе в радиокомитет и редакции газет писем ленинградцев с откликами на радиопередачи и публикации также могут свидетельствовать об интересе горожан к информации, даже при условии того, что данную корреспонденцию не удалось обнаружить. Сложно судить о том, насколько полно усваивались жителями все транслируемые средствами массовой информации установки и идеи, и то, как эти идеи проявлялись со временем. Официальное информирование населения, однако, тоже несло в себе пропагандистскую составляющую; и если информация не оставляла горожан равнодушными, то это всё же может указывать на определённый, пусть и далёкий от ожидаемого, успех воздействия.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Романов А.С.* К вопросу об отечественной историографии изучения советской пропаганды и агитации в блокадном Ленинграде (1941-1944 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 4. Том 4. История. СПб., 2012. С. 94-103 (0,6 п.л.);
2. *Романов А.С.* Устная агитация как форма противодействия слухам в блокированном Ленинграде (1941-1943) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 2. Том 4. История. СПб., 2013. С. 110-118 (0,5 п.л.).

В других изданиях:

3. *Романов А.С.* Особенности радиовещания как средства поддержки людей в условиях блокадной повседневности (осень 1941 - весна 1942 гг.) // Герценовские чтения-2011. Актуальные проблемы социальных наук: сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2012. С. 186-190 (0,3 п.л.);
4. *Романов А.С.* Многотиражная печать блокадного Ленинграда // Герценовские чтения-2012. Актуальные проблемы социальных наук: сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2013. С. 205-209 (0,3 п.л.).